

Роджер

Дубай. История,
которой не было

**Роджер Роджер
Дубай. История,
которой не было**
Серия «История, которой
не было», книга 2

<https://litres.ru/73228968>

SelfPub; 2026

Аннотация

В захватывающем продолжении истории Дэниел Кроу, покинув туманный Лондон, оказывается в ослепительном Дубае, городе, где реальность переплетается с фантазией, а деньги измеряются не только цифрами на счетах, но и масштабом амбиций.

Здесь, в сверкающем мегаполисе будущего, построенном посреди пустыни, главный герой начинает новую главу своей жизни. Но прошлое не отпускает его, тени лондонских событий тянутся за ним, а мрачные тайны продолжают преследовать.

Дубай становится ареной нового противостояния, где роскошь и богатство соседствуют с преступным миром, а каждый может оказаться не тем, кем кажется. В городе, где реальность подчиняется законам денег, Дэниелу предстоит столкнуться с

самым серьезным вызовом, разгадать тайну женщины, которая может стать как его спасением, так и погибелью.

История может стать последней в его жизни. И только время покажет, кто выйдет победителем из этой смертельной игры, где правила написаны кровью, а цена ошибки - жизнь.

Содержание

Глава 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Роджер Дубай. История, которой не было

Глава 1

Дверь клиники «Хэдли-Крофт» захлопнулась за его спиной с глухим, окончательным щелчком. Звук был таким же тусклым и безэмоциональным, как и все в этом месте. Воздух Лондона, прохладный и влажный, ударил в лицо, сменив больничную спертость, пахнущую антисептиком и отчаянием.

Он не оглянулся. Не было в этом ни жеста прощания, ни тени сомнения. Его взгляд, холодный и целенаправленный, сразу нашел черный кэб, притаившийся в полусотне ярдов от ворот. Машина стояла с заведенным двигателем, из-под выхлопной трубы клубился легкий, почти невидимый на фоне серого асфальта дымок. Водитель, получивший заранее щедрые чаевые и четкие инструкции, уже погрузил в багажник его вещи.

Перед тем как сесть в салон, Дэниел на мгновение замер. Его глаза, будто против его воли, скользнули по мрачному кирпичному фасаду «Хэдли-Крофт». Кирпич был темным,

почти черным от вековой лондонской копоти и сырости. Он впитывал свет, а не отражал его, а на окнах, тяжелые, кованые решетки, за которыми скрывался не столько мир безумия, сколько мир сломленных душ. За одним из этих окон, в палате на третьем этаже, оставалась она. Эвелин. Его законченная история. Его главный шедевр.

Это здание было последней главой его старой книги. Томом, который он перечитал, вычерпал до дна и теперь с чувством глубочайшей, почти физиологической сытости возвращал на полку. В нём не осталось ни неразгаданных тайн, ни недописанных абзацев. Всё было закончено, прошито и подписано. И этот фасад, этот силуэт против блеклого неба, был финальной точкой, поставленной не чернилами, а самой реальностью. Он оставлял позади не место скорби, а пройденный рубеж, важный, но оставшийся в прошлом, как сброшенная кожа. Впереди была лишь пустота будущего, чистый лист, и Дэниел ощущал жгучее нетерпение приступить к работе.

Уголок его губ дрогнул в чем-то, что можно было принять за подобие улыбки, но в ней не было ни тепла, ни торжества. Лишь холодное удовлетворение от завершенности.

Он резко, почти отрывисто, кивнул водителю, опустил на прохладную кожу сиденья, и дверь захлопнулась, изолируя его от прошлого. Едва он оказался внутри, кэб плавно тронулся с места, словно ждал только этого сигнала.

Машина набрала скорость, увозя его от клиники, от Лон-

дона, от Эвелин. Впереди был Хитроу. Впереди был Дубай. Впереди была новая, еще не написанная глава. И Дэниел Кроу был готов стать ее автором.

В багажнике, за тонкой перегородкой, лежало всё его материальное прошлое, аккуратно упакованное в три предмета. Основой был большой, дорогой чемодан на колесах, матово-черный, без опознавательных знаков, поглощавший свет, как и всё, что предпочитал Дэниел. Рядом, в почтительной близости, — компактный «кабин-сайз», идеальный для недельной поездки, но в его случае служивший хранилищем для более личных, отобранных вещей. И наконец, его верный спутник, старый кожаный портфель, потертый на углах и замшелый от времени. Внутри него покоились два сердца его цифрового и творческого существования: ультратонкий, но мощный ноутбук и стопка листов, испещренных острым, размашистым почерком, черновые наброски, идеи, обрывки диалогов для будущей работы. Семена, которые предстояло посеять на новой почве.

Пока кэб петлял по лондонским улицам, Дэниел мысленно прикинул общий вес багажа. Тридцать пять килограммов. Ровно. Он усмехнулся, коротким, беззвучным выдохом, в котором не было ни капли веселья, получилось по килограмму на каждый год его жизни. Вышло непреднамеренно, ведь он не взвешивал каждую вещь с маниакальной точностью, но итог оказался на удивление симметричным и достаточно символичным, словно сама судьба, в которой он не верил,

подвела черту под очередным этапом, облекла его прожитые годы в физическую, измеримую форму и упаковала в багажное отделение черного кэба, чтобы увезти в неизвестность.

Он откинулся на спинку сиденья, ощущая странную легкость. Тридцать пять килограммов и никакого дополнительного груза, ни сожалений, ни привязанностей, ни моральных обязательств, только он и его багаж. Человек-символ в машине, мчащейся в аэропорт.

Мысли о деньгах не вызывали в нем ни малейшей тревоги. Его капиталы уже давно превратились в призраков, танцующих в цифровой пустоте. Криптовалютные переводы, те самые изящные «перестановки», что он освоил до совершенства, надежно растворяли следы, оставляя после себя лишь невидимую рябь на глади блокчейна. Это был чистый, почти интеллектуальный процесс, который он всегда находил куда более элегантным, чем вульгарная возня с бумажками.

Однако даже у этого идеального механизма находилось свое ржавое звено - наличные. Лондон, этот вечно сырой и двусмысленный гигант, породил их в избытке на своем сером рынке, и процесс их легализации был подобен фильтрации отравленной воды, чтобы конвертировать эти пачки фунтов в бестелесные биткоины, приходилось идти к специалистам, и их услуги стоили дорого, три, а то и все пять процентов от суммы. Это раздражало его не как потеря денег, а как проявление глупой, бюрократической несовершенности мира. Ирония ситуации была достойна пера какого-ни-

будь циничного романиста: в то время как большая часть планеты из кожи вон лезла, чтобы добыть наличные, здесь, в самом сердце мировых финансов, они становились обузой. Оплатить ужин в отеле «Савой»? Пожалуйста. Но попробуйте внести ту же сумму на брокерский счет и вас ждут недоуменные взгляды и кипа анкет.

Но Дубай... С Дубаем всё было иначе. Там царила своя, кричаще-роскошная, извращенная логика. Этот город-мираж, выросший из песка, понимал деньги на интуитивном, почти животном уровне, если у тебя их было много – настоящих, хрустящих, пахнущих типографской краской и властью, то тебе открывались все двери. Местная публика, от швейцара до банкира, с их врожденной и до блеска отточенной вежливостью, считала дурным тоном интересоваться их происхождением.

Деньги в Дубае были не просто средством, они были абстракцией, универсальным языком, и чем громче и пафоснее ты на нем «говорил» – срываясь на крик сверкающими часами, автомобилями-гиперкарами и счетами за миллионы, тем меньше у кого-либо возникало желания вникнуть в смысл твоих слов. В этом хоре роскоши одинокий голос правды был просто не слышен.

Зато, парадоксальным образом, обладание скромной суммой превращалось в сущий ад. Попробуй-ка объяснить бдительному, безупречно одетому комплаенс-офицеру одного из местных банков, откуда у тебя, скромного иностранца,

взялись эти жалкие пять тысяч дирхам на карте, та сумма, о которой в лондонском Сити даже не заметили бы, здесь могла обернуться часами унижительных допросов, требованиями предоставить выписки за три года и приглашением в отдел финансовой безопасности. В Дубае нужно было быть либо очень богатым, чтобы тебя оставили в покое, либо настолько бедным, чтобы быть неинтересным. Все, что посередине, вызывало подозрение.

Дэниел смотрел в окно на мелькающие огни. Он ехал в город, где его новый капитал, не только цифровой, но и тот, что был заключен в его известности и его мрачной истории будет говорить за него громче любых слов. И этот язык он знал в совершенстве.

...Кэб, набрав скорость, плавно влился в вечный поток магистралей, где огни фар сливались в гирлянды, а отдаленный гул города превращался в монотонный гулкий шум за стеклом, мир за окном превратился в размытую абстракцию, и Дэниел, наконец, позволил себе откинуться на прохладную кожу сиденья, закрыл глаза, надеясь найти в темноте под веками пустоту, забвение, передышку.

Но вместо этого перед ним, с пугающей, почти тактильной четкостью, встало другое — лицо Эвелин. Не живое, одухотворенное, каким он знал его когда-то, а то, что осталось в больничной палате. Бледное, как восковая маска, с прозрачной кожей, сквозь которую угадывался синеватый рисунок вен. И эта улыбка. Застывшая, загадочная, защемленная в

уголках губ, которая не сулила покоя, а лишь леденящую душу безмятежность небытия. От этого образа по спине пробежал холодный, неумолимый трепет, будто прикосновение призрака.

Он ожидал, что за этим холодом последует укор совести, удушающая волна вины или хоть капля человеческого сожаления, но нет, его внутренний ландшафт был пуст от этих привычных для других эмоций. То, что он ощущал, было куда более редким и сложным, глубоким, безразличным удовлетворением от абсолютной завершенности, от того, что последняя точка в их общей, такой запутанной и страстной истории была поставлена не случайно, не по воле судьбы, а им самим, настолько идеально и выверенно, с художественной точностью гравюры. Эвелин, из плоти и крови, из страхов и желаний, превратилась в его главное, самое пронзительное произведение, в живой и теперь окончательно мертвый шедевр, словно последний аккорд в симфонии их разрушения.

«Без тебя ничего этого не случилось бы. Спасибо».

Фраза, его же собственная, выведенная на развороте книги, которую он оставил лежать в ее палате легким грузом последнего прощания, не была благодарностью в человеческом понимании, в ней не было ни смирения, ни тепла. Это была голубая, неоспоримая констатация факта, простой холодный эпиграф к книге ее жизни, которую он написал вместо нее, финал, который он для нее выбрал и в этом финале он не чувствовал себя ни палачом, а всего лишь автором,

единственным творцом в мире, где все остальные были всего лишь чернилами.

Самолет в Дубай, как и всё, что было тщательно спланировано и щедро оплачено, оторвался от взлетной полосы Хитроу ровно в предсказанное расписанием мгновение. Дэниел сидел у иллюминатора, и его лицо, освещенное приглушенным светом салона, было непроницаемо, он не отрывал взгляда от уплывающей вниз земли, Англия раскрывалась под ним, как старая, истрёпанная карта: крошечные поля, окаймленные изумрудными живыми изгородами, серые ленты автострад, призрачные очертания спящих пригородов, и всё это, утопающее в характерной, влажной дымке, которая была душой этого места. Лондон сжался до тусклого пятна света, а затем и вовсе растворился в пелене облаков.

Он наблюдал, как уходит под крыло не просто земля, а целая эпоха. Сырые туманы, насквозь пропитавшие его лондонские годы; бесконечные дожди, стучавшие в окна его квартиры в Челси; и Эвелин, её образ, её история, её финал, всё это теперь оставалось там, внизу, под толстым слоем облаков, как закрытая глава, он не ощущал ностальгии, лишь холодную констатацию факта: одна реальность закончилась, чтобы дать жизнь другой.

Впереди, за стеклом иллюминатора, простиралась бескрайняя пустота ночного неба, за которой ждал его новый холст. Дубай, город-химера, выросший из песка, слепленный из стекла, титана и безумных, почти бредовых амбиций, ме-

сто, где реальность была гибкой, как пластилин, а правду можно было купить, перекроить или просто заткнуть ею рот любому сомневающемуся.

Уголок его губ дрогнул, ледяное спокойствие на его лице сменилось выражением сосредоточенной готовности. Он был пустым холстом, но в его портфеле лежали черновики, а в душе, холодная, выверенная решимость. Он был готов приступить к работе, написать на этом девственном, сверкающем песке новую историю, еще одну «Историю, которой не было».

Глубоко внутри, в той части себя, где рождались его самые темные и самые точные пророчества, он уже чувствовал её вкус, вкус финала, не просто очередной книги, а последнего акта, история, которая ждала его в сияющей пустыне, будет последней и он, как всегда, знал это лучше кого бы то н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.